

«УЧИТЬ УЧИТЬСЯ»

Признаюсь сразу: я не понял и половины из того, что с жаром, но терпеливо объяснял мне доцент Омского пединститута Борис Алексеевич Дмитриев. Мои гуманитарные мозги не могли усвоить все эти премудрости, связанные с алгоритмами, перфокартами, введением программ, электронной памятью и тому подобными вещами.

Но я понял другое. Понял, что имею дело — нет, не так — что говорю с человеком, который трудится не просто за зарплату.

Отвлекусь и скажу, что встречаюсь с такими людьми уже приходилось и не раз, и не два. Их много, но хотелось бы, чтобы было больше, чтобы их было большинство. Вот, помню, лет восемь назад пришлось беседовать с одним человеком, который незадолго до этого сменил работу, и произошел между нами такой диалог:

Я: — Ну, и как на новом месте — интересно?

Он: — Да, интересно.

Я: — А как с зарплатой?

Он: — Ну, я же сказал, что интересно...

...О программированном обучении в стране серьезно заговорили году в 1962-м. В 1964-м Дмитриев уже начал заниматься этим делом: просиживал в приемных, доставал списанную аппаратуру, покупал недостающие детали на базаре, отрывал от рыбалок и домашних дел друзей — «технарей», вместе с ними паял, сверлил, монтировал... А потом дома, по ночам и по воскресеньям, а то и по праздничным дням обобщал первый опыт — писал статьи, методические разработки, доклады для различных семинаров и конференций...

Я спросил Дмитриева, как это он, человек с гуманитарным образованием, лингвист, сознательно «влез» в технику, в электронику, в область педагогики, которая стоит на стыке с самыми неожиданными

вещами. И ответ поразил меня: не помню дословно, но суть его в том, что быть своим во всех этих вещах помогла ему... война!

Да, видимо, плохо, в чем-то однозначно мы, родившиеся позже тех, кто знает войну не по книгам и кинофильмам, а вочую, плохо мы еще представляем себе, что это такое...

Борису Алексеевичу 60 лет. Восемнадцатилетним он поступил в знаменитый московский МИФЛИ — институт философии, литературы и истории, в котором учились и который закончили многие выдающиеся наши писатели, деятели искусства, историки, дипломаты, педагоги. Ему же закончить пришлось только один первый курс: в августе 41-го призвали. После ускоренного девятимесячного обучения в Ленинградском училище военных сообщений вчерашний студент МИФЛИ становится командиром мино — подрывного взвода. Премудрости страшной работы сапера в училище преподавали основательно. И теория, а главное — практика на Брянском, Калининском и 2-м Прибалтийском фронтах, смертельная практика, где, как говорится в поговорке, ошибаются лишь один раз, — это они сделали «своим» в мире техники филолога Дмитриева.

Он сегодня вправе даже немного и пошутить по этому поводу. Он заработал это право в 43-м году, когда после тяжелого ранения (результат — потеря глаза) вернулся в свою часть. Повезло, он считает, дважды. В первый раз — это когда на Курской дуге во время обезвреживания немецкой авиабомбы прилетел вражеский самолет и начал поливать саперов из пулемета, но лишь ранил, а ведь мог попасть и во взрыватель. А во второй — когда уже после ре-

шения врачей о «списании» прямо в Мичуринск, в госпиталь, приехали ребята из взвода по главе с комсоргом Алешей Козловым (сейчас он тоже живет в Омске) и забрали своего лейтенанта. Так он и служил с ними до конца войны: минировал, взрывал, но потом, во время наступлений, больше обезвреживал — мины поля с противотанковыми и противопехотными минами, неразорвавшиеся авиабомбы, и самое тяжелое — мины замедленного действия. Их пунктуальные фашисты устанавливали на 21 день с временным допуском до двух минут. Чаще всего — под железнодорожными насыпями. Это были целые туннели, куда помещались по многу тонн (от 20 до 50-ти) всякой взрывающейся гадости, и нужно было быть в таких туннелях впереди, брать все голыми руками — брать и передавать в голые же руки подчиненных — товарищей по оружию. Передавать, не зная, сколько дней из двадцати одного уже прошло — может быть, как раз и остались те две минуты... Так было 50 раз.

Орден Красной Звезды, медаль «За отвагу», еще девять боевых наград — гордость фронтовика Дмитриева.

Сейчас кабинет программированного обучения филфака пединститута оборудован по последнему, как говорится, слову техники. Педагогический тестор, машины «КИСИ-5», электронные экзаменаторы «Сибиряк», лингафонная установка, аппарат «ЛЭТИ» и т. п. Все это облегчает труд преподавателя (не нужно, например, проверять тетради), но не в этом облегчении суть.

А суть в том, что машина приучает обучающегося, в данном случае студента, мыслить самостоятельно. Здесь он

сам добывает себе знания. Машина, как сказал Борис Алексеевич, призвана учить учиться. И это главное.

Машина не стоит и никогда не будет стоять в центре процесса обучения, какой бы совершенной она не была. Она лишь помощник преподавателя. В центре будет всегда он — живой человек, учитель.

За двадцать почти лет работы кабинетом программированного обучения накоплен богатейший опыт. Этим опытом интересуются десятки, сотни специалистов, о нем знают за рубежом — в Польше, в ГДР. Статьи Дмитриева появляются в различных сборниках, их цитируют, включают в списки основной литературы по методике программированного обучения. Я видел письмо из Всесоюзного агентства авторских прав, занимающегося распространением литературы (в том числе и научной) за границей: просят прислать его книгу «Справочник по пунктуации». Видел заявки из Ереванского университета, Киргизского, Харьковского, Пржевальского пединститутов на издающиеся с 1973 года «Материалы по русскому языку для работы в классе программированного обучения на машине «КИСИ-5» (на сегодняшний день издано семь выпусков этих «Материалов»).

Это особенно ценно: опыт распространяется. И распространяется не только посредством печатных работ. Его распространяют выпускники пединститута — вчераш и е студенты Дмитриева. Активно, например, вводятся элементы программированного обучения на уроках в школе № 91.

В кабинете проходят занятия не только со студентами, но и с учителями — по линии института усовершенствования учителей. С директорами школ — по линии существую-

щего в Омском пединституте факультета повышения квалификации.

Все это в конечном итоге помогает воспитать наших детей грамотными, любящими родной язык людьми. Ведь машина, как это ни странно на первый взгляд, помогает учителю работать с каждым индивидуально. Она тотчас же «выдаст» типичные ошибки того или иного обучающегося, и это поможет разговаривать с ним потом не вообще, а по поводу его конкретных пробелов.

А теперь немного цифр. В «память» электронного экзаменатора «Сибиряк» можно заложить 125 программ. Хорошо, но какую предварительную работу нужно для этого проделывать? В. П. Беспалько из МГУ это подсчитал. Он пишет в своей сравнительно недавно вышедшей книге «Программированное обучение (дидактические основы)», что для подготовки одной одночасовой программы необходимо затратить от 50 до 100 человеко-часов. Причем, готовить программу должен не один человек, а группа, в которую входят: педагог, психолог и специалист по данному конкретному вопросу. При этом Беспалько не пишет о том, что нужно еще пахать, печатать на машинке, делать фотоснимки и т. д.

Дмитриев делает все это сам. Один. (Помогает лишь лаборант). И делает на высоком уровне. Иначе не присвоили бы ему в 1971 году ученое звание доцента без защиты кандидатской диссертации. Это может сделать не сама Высшая аттестационная комиссия, лишь ее президиум, и делает он это в редчайших случаях.

Дмитриев настойчиво обращает в свою веру коллег. Его бывшая лаборантка Т. Е. Рутц учится сейчас в аспирантуре Московского пединститута, ус-

пешно закончила первый курс. Ряд работ написан в соавторстве с А. Н. Колосковой — бывшей его студенткой, ныне кандидатом педагогических наук. Есть работы, написанные вместе с преподавателем института А. В. Иконниковой.

Омичом Борис Алексеевич стал, можно сказать, случайно. После войны, когда до 1949 года еще служил в армии, направили по служебным делам сюда. Здесь познакомился с будущей женой. Здесь демобилизовался и завершил в пединституте образование. Не сколько лет работал в школе, а потом пригласили преподавать в родной институт. Уже 25 лет прошло с тех пор...

Есть у Дмитриева одно увлечение, уходящее своими корнями в детство и юность. Родился он в Минске, до отъезда в Москву жил с родителями в Борисове. В совершенстве знает белорусский язык, любит белорусскую литературу, постоянно следит за ней. И в многие свободные часы занимается художественным переводом. Занимается, насколько я могу об этом судить, вполне профессионально. И, если вы увидите в «Омской правде» или «Вечернем Омске» стихи или рассказы, под которыми указано: «Перевод с белорусского Б. Дмитриева», знайте — это он, Борис Алексеевич. Недавно «Неман» — журнал белорусских писателей, выходящий на русском языке, — поместил подборку его переводов молодой поэтессы Г. Корженевской.

...За те несколько часов, что мы беседовали, сидя среди хитроумных машин, таблиц и экранов, нас тои дело прерывали: о чем-то спрашивали Дмитриева, куда-то утгивали его «на минутку», приходили и что-то включали, искали, рассматривали. Оно, конечно, и нехорошо, когда мешают поговорить. Но с другой стороны: это же здорово — до такой степени быть нужным окружающим тебя людям.

А. ЛЕЙФЕР.